

70
1954
ИСТОРИЯ XIX ВѢКА.

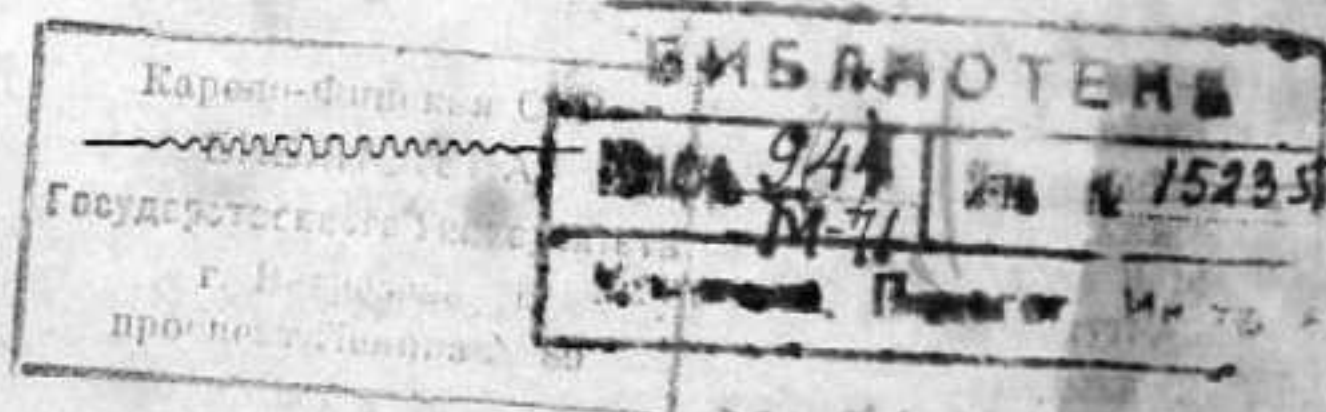
ДО 18 БРЮМЕРА.

Мишле.

Вѣрою
Томъ II.

ПЕРЕВОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

М. Дебриковой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи Ф. С. Сущинскаго.
Екатерининскій каналъ, 168.

1883.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Судъ исторіи.

I.

Въ предисловіи къ первой части я говорилъ о строгомъ правосудіи исторіи, о приговорахъ, которые произноситъ она надъ прихотями свѣта и легкомысленными и страстными мнѣніями современниковъ. «Этотъ поздній судъ, котораго мы не услышимъ, нисколько не смущаетъ насъ» — такъ могутъ возразить иные. И они будутъ неправы.

Нѣтъ, мнѣніе будущаго, которому такъ много людей приносятъ въ жертву даже самую жизнь, значитъ что нибудь. Проклятіе — посмертная мука, которую налагаетъ ужасъ внушаемый человѣчеству, этотъ адъ исторіи страшенъ и для тирановъ, потому что они не щадятъ ничего для охраненія своей памяти и для обмана потомства. Общественное поруганіе, которое они выносятъ по смерти, всегда казалось имъ дѣломъ страшнымъ. Они хотѣли бы, какою бы то ни было цѣною, убѣжать отъ мстителя — свѣта и не оставаться надъ

лучами его какъ ночныя птицы прибитыя гвоздемъ къ дверямъ на поруганіе прохожихъ.

Но за то какъ многіе, которые заслуживаютъ благодарное воспоминаніе всего чаще получаютъ въ награду забвеніе. Они всплываютъ на одинъ мигъ въ памяти потомства и потомъ вскорѣ исчезаютъ въ пучинѣ забвенія. Не рассчитывайте на небольшой кружокъ, который былъ около васъ при жизни. «Я умру одинъ», говорилъ Паскаль. Это общій удѣлъ чело-вѣчества.

Но нужно ли чтобы помнили?—Да. Каждая душа между всѣмъ зауряднымъ, что заключается въ ней, обладаетъ и извѣстною особенною, индивидуальною чертою, которая не повторяется въ другихъ душахъ и которую надо замѣтить, когда душа эта уходитъ въ неизвѣстный міръ. Хорошо было бы назначить хранителя могилъ, который былъ бы опекуномъ и покровителемъ умершихъ. Я говорилъ въ другомъ мѣстѣ о должности, какую занималъ Камоенсъ на смертоносномъ берегу Индіи: распорядителя надъ имуществомъ умершихъ. Да, каждый умершій оставляетъ небольшое наслѣдство—память свою и требуетъ, чтобы хранили ее. Для того, у кого нѣтъ друзей, магистратура должна занять мѣсто ихъ. Законъ, правосудіе вѣрнѣе, нежели привязанности наши такъ забывчивыя, наши слезы такъ быстро высыхающія.

Магистратура эта—Исторія. Мертвые, говоря языкомъ римскаго права—это *miserabiles personae*, о которыхъ судья долженъ заботиться. Никогда, въ продолженіе всей моей профессіи, я не терялъ изъ вида эту обязанность историка. Я подавалъ многимъ забытымъ умершимъ помощь, въ которой я самъ буду нуждаться. Я отрылъ ихъ изъ могилъ для новой жизни. Иные родились не въ ту минуту, въ которой они могли бы показать себя. Другіе родились наканунѣ новыхъ и

потрясающихъ событій, которыя изгладили ихъ слѣдъ, заглушили память о нихъ. Примѣръ тому протестантскіе герои умершіе передъ блестящей и забывчивой эпохой восемнадцатаго вѣка Вольтера и Монтескье. Исторія принимаетъ и возобновляетъ забытую славу именъ ихъ, даетъ новую жизнь мертвымъ, воскрешаетъ ихъ. Правосудіе ея соединяетъ тѣхъ, которые жили въ разное время, вознаграждаетъ многихъ, которые появились только на мгновеніе для того, чтобы исчезнуть. Всѣ они живутъ теперь съ нами, и мы чувствуемъ, что мы имъ родные, друзья. Такъ создается одна семья, одинъ градъ общій для мертвыхъ и живыхъ.

Различіе вѣковъ, формъ, одеждъ не значить ничего. Исторія находитъ удовольствіе признавать это. Она чувствуетъ напримѣръ, что великіе протестантскіе мученики, не смотря на одежду и странный богословскій языкъ ихъ, были также мучениками, героями свободы. Для меня было большимъ счастьемъ положить конецъ этому недоразумѣнію. Какъ могли, восходя только до 1670 г., утратить память о героѣ, о мученикѣ, который, простой частный человѣкъ, искалъ по цѣлой Европѣ враговъ Людовику XIV и который болѣе чѣмъ кто либо создалъ великую лигу противъ него и послѣдовавшее за тѣмъ пораженіе этого новаго Филиппа II? Я съ удивленіемъ видѣлъ, что сами протестанты не знали имя это достойное вѣчной памяти, ни страшное событіе, когда онъ былъ захваченъ на Женевскомъ озерѣ для того, чтобы быть колесованнымъ въ Парижѣ. Я нашелъ его, смѣю ли я сказать, забытаго, безъ почестей, въ нѣдрахъ земли—въ компиляціи такъ мало читаемой Эли Бенуа. Съ какою радостью отрылъ я его и отдалъ почестъ славному мученику свободы міра *).

*) См. Примѣчаніе въ концѣ тома.

Я не менѣе радуюсь, когда въ этомъ томѣ и въ слѣдующихъ, отрою изъ могилъ столько замѣчательныхъ людей послѣднихъ временъ революціи, которыхъ Бонапарте держалъ въ тѣни, пряталъ въ углы, заставлялъ забывать и такъ часто чернилъ. Многіе исчезли для исторіи, потерянные въ поглощающихъ и ревнивыхъ лучахъ бросаемыхъ славою его, преувеличенною вволю столькими историками декламаторами. Упомянемъ между прочимъ о людяхъ, которые подготовляли экспедицію въ Египетъ, и тѣхъ, которые въ этой странѣ завѣдывали администраціею Бонапарте. Назовемъ энергическаго, благодѣтельнаго Кафарелли, благородная личность котораго до меня была затеряна во тьмѣ.

И какъ можно удивляться тому, что забываютъ людей, когда народы забываютъ самихъ себя, когда они неблагодарны и слѣпы къ отцамъ своимъ и къ наиболѣе великимъ минутамъ исторіи своей? Это случается съ каждою націею; не только съ одними французами, которыхъ Европа считаетъ такъ легкомысленными; я докажу, что тоже самое было и съ англичанами, болѣе постоянными и менѣе забывчивыми.

Въ этомъ томѣ, для Франціи и Европы, для насъ и для коалиціи, главный узелъ дѣйствія—фруктидоръ. Здѣсь болѣе всего нуженъ внимательный и серьезный взглядъ исторіи. До меня общее мнѣніе заблуждалось и видѣло не то, что было въ этомъ событіи. Мы доказали свидѣтельствомъ роялистовъ самихъ, что то на самомъ дѣлѣ былъ заговоръ роялистовъ, подорванный во время директоріею и твердостью только одного изъ директоровъ *). Роялисты сами сознались въ полномъ соглашеніи своемъ съ Англіею, которая, когда прошла страшная опасность для нея—великое возмущеніе флота,

*) Ларевельеръ Лепо. Сынъ его передалъ мнѣ прекрасныя записки его, которыя наковецъ были напечатаны.

приносила громадныя денежныя жертвы для того, чтобы взорвать Францію.

Въ Парижъ призвали неистовую Вандею. Это заставило сказать ссылаемаго Пишегрю: «Если бы мы побѣдили, то революціонеры не отдѣлались бы ссылкой». И черезъ два года мы увидѣли этого добраго роялиста Пишегрю возвращающагося изъ ссылки въ Лондонъ, потомъ ведущаго русскихъ противъ насъ, какъ прежде онъ водилъ австрійцевъ. Это дѣло фруктидора, когда нападавшіе утверждали, будто на нихъ нападали, и заставили этому вѣрить, напоминаетъ въ совершенствѣ дѣло 1870 г. когда Пруссія, которая еще за три года подготавливала вторженіе во Францію, съумѣла свалить всю видимость вины на французовъ и заставить вѣрить, будто она только защищалась.

Судьба иначе рѣшила въ фруктидорѣ. Республика не только была спасена отъ заговора роялистовъ, но произошелъ республиканскій взрывъ на всемъ западѣ Европы, въ Ирландіи, Голландіи, на Рейнѣ, въ Швейцаріи, Піэмонтѣ, Римѣ, Неаполѣ, и Франція выступила во всемъ величіи республиканской матери, окруженной дочерьми. Все западное человечество потребовало правъ своихъ и сочло себя способнымъ управлять само собою и повиноваться законамъ разума, такимъ, какими ихъ провозгласилъ восемнадцатый вѣкъ. Тогда Франція пережила прекрасное мгновеніе великодушія чудесный порывъ мужественнаго братства. Никогда еще она, не доходила такъ близко до великой поэтической мечты своей *освобожденія міра*, до идеала человечества совершеннолѣтняго подъ республиканской формой. Она распространила желанія свои до Африки, до Азіи. Совѣтники Бонапарте въ Египтѣ заставили его собрать первый египетскій диванъ, у котораго спрашивали, и съ пользою, совѣты объ интересахъ страны, о

каналахъ, орошеніяхъ, распредѣленіи налоговъ и пр. Франція въ эту минуту, послѣ побѣды республики въ фруктидорѣ, казалась, приняла на себя опеку надъ всѣми слабыми землями и защиту ихъ. Великая смѣлость для государства такъ сильно раздѣдаемаго внутри измѣной. Ее обвиняли въ неосторожности, въ легкомысліи—и напрасно. Надо вспомнить только что тогда не только на Рейнѣ, но и въ Туринѣ, Римѣ, Неаполѣ и Дублинѣ рѣзали и вѣшали друзей нашихъ, всѣхъ тѣхъ кто вѣрилъ въ насъ, въ благовѣстіе свободы міра. Могли ли мы быть глухими къ вздохамъ агоніи ихъ, къ мольбамъ ихъ за отечество, за юныя республики вчера родившіяся отъ насъ?

Франція не устрашилась. Она приняла борьбу всемірную одна противъ всѣхъ, постановила наборъ и молодыми солдатами своими нанесла два превосходные удара, восторжествовала надъ лучшими арміями Европы. Республика побѣдила съ одной стороны русскихъ, съ другой англичанъ. И проданная, погубленная въ западнѣ, она унесла по крайней мѣрѣ двѣ великія побѣды въ могилу. Плачевное возвращеніе изъ Египта и причины, ради которыхъ англичане, державшіе въ рукахъ своихъ моря, допустили Бонапарте возвратиться и возвратиться такимъ медленнымъ плаваніемъ, продолжавшимся сорокъ пять дней, объясняются, какъ то увидятъ, болѣе всего восточною хроникой напечатанною въ 1839 г. Западна брюмера объясняется не менѣе хорошо сообщничествомъ генераловъ, которые выбрали роялистовъ для того, чтобы оттереть республиканскаго генерала, который могъ возвратиться послѣ цюрихской побѣды своей *).

*) Г. Гамель первый имѣлъ мужество быть справедливымъ въ отношеніе директоріи, которую слишкомъ много обвиняли. Кидаемая изъ стороны въ сторону событіями, она не имѣла ни средствъ ни времени положить

III.

Уступилъ ли я чувству вражды противъ Англіи во второмъ томѣ этомъ, гдѣ говорится объ упорной борьбѣ Англіи и Франціи? Я этого не думаю. То, что я говорилъ объ Индіи, менѣе рѣзко нежели рѣчи великихъ англійскихъ ораторовъ. Что касается остальнаго, то я всегда помнилъ правило, что историкъ говорящій о чужомъ народѣ долженъ хорошо всматриваться, прежде чѣмъ осуждать то, что онъ мало знаетъ. Онъ долженъ входить въ идеи народа этого, брать въ расчетъ преданія его и естественное увлеченіе страстныхъ минутъ его *).

Эпоха этой дикой и братоубійственной борьбы, благодаря Богу, кончилась. Я писалъ недавно великому естествоиспытателю Дарвину: «Проливъ, кажется, уже засыпанъ общими идеями, даже общими интересами. Я вижу съ радостью пред-

твердый краеугольный камень, на которомъ можно бы было основать республику, образованіе. Роялисты остановили ее на первомъ шагѣ, принудивъ уничтожить нормальную школу. Высшія школы остались разъединенными и не могли союзомъ своимъ создать челоуѣка. Первая школа права не оправдала названія своего, но осталась тѣмъ, чѣмъ была—школой законовъ и декретовъ измѣнявшихся съ каждымъ днемъ. (См. мою книгу «Наши сыновья» и предисловіе къ моей «Революціи»). Она осталась безъ нравственной основы въ той средѣ пошлостей, гдѣ притворялись будто вѣрили, что старыя преданія объ избранныхъ и произволѣ могли согласоваться съ справедливостью и республикою.

*) Я пытался сдѣлать это и этого не сдѣлалъ профессоръ Зибель съ чересвымъ догматизмомъ своимъ. (См. прекрасную и такъ справедливую критику г. Авенеля на трудъ Зибеля, помѣщенную въ журналѣ Республика). Къ тому же идею, на которая такъ сильно нападаетъ нѣмецъ этотъ,—идею Германіи самой и всей Европы въ XVIII вѣкѣ. Г. Авенель очень вѣрно замѣчаетъ, что всѣ тогда равно принимали, вѣрили, проповѣдывали то благовѣстіе разума, которое распространялось Руссо, Базедовымъ, Песталоцци и стало одно время символомъ Германіи.

пріятіе создать мостъ, или вѣрнѣе тунель, который, проходя отъ Кале до Дувра, возвратитъ обѣимъ странамъ естественное сосѣдство, родство, геологическое тождество ихъ». Не только дружественныя и даже отчасти семейныя связи соединяютъ меня съ этимъ великимъ народомъ, но и принципы мои. Я за него противъ Филиппа II, Людовика XIV и Наполеона. При отмѣнѣ нантскаго эдикта я заодно съ протестантами нашими, я иду съ ними на помазаніе Вильгельма въ Вестминстеръ, (См. мою исторію Франціи 1688 г.). Какъ много служилъ проливъ этотъ противъ всѣхъ тирановъ континента! Какъ радовался я въ 1830 г., когда увидѣлъ Англію, что дикій Бонапартъ понесъ пораженіе, не могъ сдѣлать высадку, ни разрушить этотъ удивительный улей человѣческой промышленности. Въ средніе вѣка Англія была общимъ прибіжищемъ народовъ. Говорятъ слишкомъ много объ англосаксонскомъ происхожденіи Англіи. Небольшія племена англосаксовъ значили очень мало въ сравненіи такъ значительной основы—кельтійской расы и громаднхъ волнъ эмигрантовъ, которые безпрестанно прибывали съ противоположнаго берега, и болѣе всего съ фламандскаго. Тысячи мѣстъ въ хроникахъ *) доказываютъ, что съ очень давняго времени трудолюбивое населеніе континента начало приливать туда массами. Особенно ткачи во что бы ни стало стремились въ страну эту, гдѣ шерсть была главнымъ предметомъ торговли; германскій элементъ и фламандскій мистицизмъ изгладились; выработался англійскій духъ, съ отличительнымъ характеромъ его положительности и послѣдовательности, соединенныхъ съ особенною подвижностью, неизвѣстною германцамъ. Императоръ Фридрихъ II въ стихотвореніяхъ своихъ воспѣ-

*) Ученый Брентано, повидимому, не знаетъ хроникъ этихъ.

васть прекрасныя длинныя руки англичанъ, которыя они конечно получили отъ предковъ своихъ, рабочихъ изъ Фландріи.

Торжественной эпохой этихъ эмиграцій работниковъ былъ 1685 г., когда наши ткачи протестанты наполнили цѣлое предмѣстье Лондона — Спитальфильдъ. Это бѣгство моремъ должно было тоже привести ихъ въ Шотландію, въ ту страну, которая нѣкогда, въ силу дружбы, была другою Франціею. Я готовъ этому вѣрить. Но я тѣмъ неменѣе вѣрю и прекрасной шотландской легендѣ о томъ, что богатая шотландская дѣвица, по ошибкѣ принесъ обвиненіе противъ служанки своей, для искупленія вины основала мастерскую — мірской монастырь, гдѣ благочестивыя женщины съ изумительнымъ терпѣніемъ и правильною достигли до совершенства въ той пряжѣ, которая получила названіе шотландской пряжи — *fil d'Ecosse*.

То же самое совершенство мы видимъ и въ пряжи шерсти, которую производили въ Англіи въ Ланкастарѣ. Торговля шерстяными чулками стала очень значительной, когда послѣ завоеванія Индіи деньги начали свободно обращаться даже у убѣднѣковъ. Изобрѣтательный человѣкъ, Аркрайтъ сильно ускорилъ производство шерстяныхъ чулокъ устройствомъ чулочной машины. Удивительныя машины эти, въ особенности машина Уатта, восторжествовавшая около 1800, заставили забыть вещь еще болѣе удивительную — школу механиковъ, основанную Уатомъ, и нравственныя условія, подготовившія работниковъ такъ замѣчательныхъ и внимательныхъ, которые смогли пускать въ ходъ огромныя машины съ совершенствомъ точности часового механизма.

Англичане гордые и холерическіе, какъ всѣ мясоядные, казались менѣе способными къ такой работѣ, нежели трез-

вые шотландцы. Для этого нуженъ былъ нравственный переворотъ, фанатизмъ болѣе активный чѣмъ мечтательный, рѣдкая любовь къ добру и долгу, поддерживаемая каждымъ день, не смотря на скуку долгихъ часовъ, терпѣніе малознаемое у подвижныхъ расъ материка. Припомните еще, что машины, дѣйствовавшія позже такъ правильно, въ началѣ не достигли такой правильности. Нужны были люди болѣе точные, совѣстливые, чтобы поправлять невѣрности механизма.

Вообще обращали слишкомъ мало вниманія на эту первую эпоху и на серьезныхъ работниковъ этихъ, когда говорятъ о точности производства первыхъ мануфактуръ. Все это несправедливо забыто англичанами. Исторія должна напомнить имъ о заслугахъ перваго поколѣнія работниковъ, нравы которыхъ были такъ противоположны нравамъ современнаго индустриализма. Все это забыто до такой степени, что многіе воображаютъ будто земледѣльческое населеніе, поступавшее на мануфактуры эти, потеряло въ нравственномъ отношеніи. Но было совершенно противоположное. Промышленная жизнь того времени, была правильною и болѣе строгою нежели жизнь деревень. Множество романовъ, очень вѣрныхъ картинъ той эпохи, сохранились, чтобы свидѣтельствовать намъ чѣмъ была веселая Англія (*merry England*), какъ притѣсняла и нерѣдко обезчещивала она бѣдныя семьи. Но не такой была фабрика того времени. Деревенская семья поступавшая туда была подчинена только одному труду правильному, чуждому прихотей, и потому она возвышалась и въ отношеніи нравственнаго достоинства и ума. Работникъ пополнялъ несовершенство машины и иногда совершенствовалъ ее.

Сдѣлаемъ выводы. Вотъ двѣ удивительныя колыбели англійской промышленности: 1) съ одной стороны широкое госте-

пріямство, открывшее двери всѣмъ гонимымъ въ Европѣ и которое было оплачено многими родами промышленности ея; происхожденіе Англіи неизвѣстное ей самой, непомнящей то, что она отчасти фламандская, французская и пр., и называющей себя постоянно англосаксонской. 2) съ другой стороны великій переворотъ въ англійскихъ правахъ, происшедшій незадолго до 1800 г. и который ошибочно считаютъ исключительно теологическимъ. Подъ принятыми формами мрачнаго христіанства скрывалось свойство болѣе общее—любовь къ правильному труду, какого ни одна нація не представляла въ одинаковой степени. Вотъ двѣ великія черты Англіи, которыя я возстановилъ болѣе вѣрно нежели то дѣлалось до этихъ поръ; и я буду преимущественно говорить о нихъ въ третьемъ томѣ моемъ. Эти черты и семейная нравственность вообще болѣе сильныя въ Англіи, нежели на материкѣ—то, что всего болѣе привязываетъ меня къ Англіи, несмотря на борьбу ея съ Франціею.

III.

Какъ трудно быть справедливымъ! Какъ много облаковъ затемняютъ истину, какъ много преградъ затрудняютъ торжество ея. Я привожу тому примѣры въ третьемъ томѣ (отъ 1800—1806 г.).

Документы, мало извѣстные и въ Россіи и въ другихъ мѣстахъ, дали мнѣ возможность проникнуть въ эпоху и въ царствованіе—царствованіе Павла, которыя были до сихъ поръ представляемы очень невѣрно, и судить о нихъ.

Нѣмцы, самые большіе писаки въ мірѣ, знающіе языки сѣвера и исторію сѣвера, рассказываютъ факты на свой ладъ и никто не опровергаетъ ихъ. Нѣмцы же такъ примѣшаны

ко всему, выѣдрили въ Россію, гдѣ они управляютъ и государственнымъ имуществомъ и имѣніями большихъ баръ, страдающая отъ нихъ Россія не можетъ отъ нихъ освободиться; она воображаетъ что разложится, если изгонять ихъ. Вотъ почему существуетъ удивительное соглашеніе въ представленіи иныхъ фактовъ.

Одно изъ чудесъ нашего времени то, что царствующій Императоръ Александръ II, *) освободился отъ рутины и ринулся на великую революцію, передъ которой отступили предшественники его—эманципацію крестьянъ.

Русская раса подвижная, нѣсколько фантастическая; нѣтъ расы добродушнѣе. Вообще славянскій крестьянинъ—русскій, литвинъ, полякъ—очень кроткое существо. Дикія зимы съ вера, обрекающія ихъ на затворничество нѣсколькихъ мѣсяцевъ, дѣлаютъ ихъ безконечно чувствительными къ семейнымъ зависимостямъ отъ ребенка, отъ женщины, друзьями животныхъ. Вотъ почему въ этой странѣ, исторія которой такъ ужасна, путешествія представляютъ совершенно иную картину. Подъ политическими трагедіями существуютъ земледѣльческія нравы очень мирные, представляющіе рѣзкій контрастъ. Но за исключеніемъ мѣсяцевъ затворничества, раса эта подвижная, нѣсколько капризная. Таковъ былъ Павелъ въ благородныхъ порывахъ природы своей. Онъ, по тайному инстинкту, очень любилъ Францію. Прежде всего Францію просившую убѣжища Францію эмигрантовъ. Потомъ онъ перемѣнилъ мысли и сблизился съ республиканскою Франціею, находившеюся подъ властью того, кого въ то время считали Вашингтономъ. При этомъ союзѣ онъ имѣлъ въ виду двѣ вещи: съ одной стороны возстановить свободу морей, защищая слабыя державы; Дани

*) Изданіе, съ котораго сдѣланъ переводъ, напечатано въ 1875 г.

Швецію, Гамбургъ и пр. противъ тираніи англійскаго флота; съ другой стороны онъ имѣлъ намѣреніе вмѣстѣ съ Франціей, Австріей и др. совершить раздѣлъ странъ, которыя называютъ Турціею *) и для которыхъ Турція не сдѣлала ничего другаго кромѣ того, что дала имъ безпорядочную анархію управленія пашей. Паша эти, при эксплуатаціи страны, имѣли всегда компаньонами своими англійскихъ купцовъ.

Для этого важнаго плана Павелъ, кромѣ союза съ Франціею, кажется, имѣлъ намѣреніе призвать славянъ, казаковъ **) и поляковъ. Онъ уже вызвалъ поляковъ изъ Сибири. Это заставило трепетать тѣхъ, которые завладѣли имуществами ихъ. Смерть Павла была очень выгодна для Англіи и для многихъ, въ особенности для русскихъ нѣмцевъ.

Я не знаю сцены болѣе трогательной чѣмъ та сцена, когда Павелъ вошелъ въ тюрьму Костюшки для освобожденія его и проливалъ слезы передъ несчастнымъ великимъ человекомъ, раненымъ, лежавшимъ на постели. (См. Нѣмцевича). Драгоцѣнныя слезы, которыя заставили надѣяться на примиреніе двухъ враждующихъ сестеръ—Россіи и Польши. Ожидали, что съ этой минуты падетъ роковая стѣна, такъ долго раздѣлявшая міръ—западъ и востокъ. Россія, востокъ, отдаленные отъ Европы вмѣшательствомъ Германіи, должны были вступить въ общеніе съ западомъ, югъ дружилъ съ расами имѣвшими болѣе сродства съ живостью русскаго и съ электричествомъ вполне южнымъ народа этого, котораго только одни нашествія татаръ отбросили на сѣверъ.

Въ этомъ краткомъ предисловіи о правосудіи исторіи, какъ о поправкѣ слишкомъ поспѣшныхъ приговоровъ произ-

*) Я докажу это русскимъ документомъ, совершенно неизвѣстнымъ, которыми я обязанъ г. Ивану Тургеневу.

**) Трудно понять о призывѣ какихъ казаковъ въ качествѣ союзниковъ говорить Мишле.

несенныхъ современниками, я не говорилъ еще о немъ, о
наиболѣе высокой точки зрѣнія, какъ объ актѣ сердца, ра-
зума, предтечѣ той высшей справедливости, которая должна
царить надъ вселенной. Мои стремленія къ такому правосу-
дію исходятъ не изъ одного только сердца; они опираются
на серьезное размышленіе о мірѣ. Міръ этотъ представляетъ
во всемъ аналогическіе законы, изумительное тождество въ
методахъ, въ процессахъ своихъ. Самозванные ученые, отри-
цающіе это, не видятъ, что они создаютъ два различныхъ
міра: одинъ подчиненный правиламъ и совершеннѣйшему рав-
новѣсію; другой во всемъ беспорядочный, дисгармоническій,
настоящій хаосъ. Я знаю только одинъ міръ и, видя повсюду
равновѣсіе, правильность въ физическомъ мірѣ, я не сомнѣ-
ваюсь въ существованіи равновѣсія и правильности и въ
нравственномъ мірѣ. Если не здѣсь, то, по крайней мѣрѣ, въ
другихъ мѣстахъ, на тѣхъ планетахъ и въ тѣхъ существо-
ваніяхъ, которыя намъ дано будетъ пройти.

Справедливость—тотъ богъ, котораго я въ возрастѣ полной
возмужалости, по смерти отца своего призывалъ (въ предис-
ловіи къ моей «Революціи»), по прежнему опора моя. Я на-
хожу въ ней строгое счастье, надежду, которая не можетъ
обмануть меня въ борьбѣ противъ двухъ софистическихъ
школъ—одна школа ничтожества, другая—произвола сверхъ-
естественнаго. Не смотря на лѣта, я продолжаю свой трудъ.
Если же ему суждено окончиться здѣсь, я не буду роптать.
Я вижу, что во всемъ прогрессъ есть постоянный шагъ силы
жизни, идущей отъ добра къ лучшему, и я, какъ мужествен-
ный работникъ, храню надежду, что отъ моего несовершен-
наго труда перейду къ лучшему труду.

Парижъ 1 марта 1873.